

И.А. Балашова

РИСУНКИ ПТИЦ В РУКОПИСЯХ А.С. ПУШКИНА

В статье рассмотрены рисунки в рукописях А.С. Пушкина, где изображения птиц близки начертанию букв. Они, вместе с тем, противостоят знаковости текста, объединяя в наглядном образе абстрактное и конкретное. Соотнесение рисунков с орнаментикой древнерусских летописей и книг, с украшениями книг эпохи Барокко позволило увидеть в изображениях птиц развитие Пушкиным графиком древних традиций, поскольку рисунки имеют свойства инициалов (рукописи поэм «Цыганы», «Полтава»), орнамента (рукописи поэм «Тазит», «Полтава», «Романа на Кавказских водах»), а также иллюстрации на полях (рукопись поэмы «Полтава») и орнаментальной заставки (титульный лист «Истории села Горюхина»).

Балашова

Ирина Александровна — докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Южного Федерального университета

© 2007 г. И.А. Балашова

Пушкин часто рисовал птиц в ходе работы над художественными и публицистическими произведениями. Птицы-росчерки в лицейских и арзрумских тетрадах, в рукописи странствий Онегина, черновиках стихотворения «Осень», где есть и сюжетные композиции, — все они представляют собой зарисовки некоей мифологической орлоподобной птицы и уже были нами рассмотрены. Мы отметили повышенную личную и креативную содержательность этого графического образа, вобравшего впечатления и от облика реальных птиц. Пушкинские птицы имеют журавлиный хохолок и наделены грацией журавля, у них тонкая и длинная шея, как у журавля и лебедя, и они обладают нежной красотой и плавностью движений лебедя, они сходны с орлом своими лапами, крыльями и повадками в полете, мощью и могуществом. Их облик связан и с мифопоэтическими ассоциациями поэта, творчески усвоившего миф о Психее, воспринимавшейся и как летящая птица, как орел, устремляющий свой полет ввысь [Балашова, 2004, с. 12–14]. С этими наблюдениями следует связать также факты зарисовок Пушкиным реальных птиц — лебедя (рукопись поэмы «Полтава»¹ (с. 370); орла (арзрумская тетрадь)².

У Пушкина есть и рисунки петуха (рукопись «Сказки о медведихе», титульный лист «Сказки о золотом петушке») (с. 380, 243; рис. 1–4).

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 18 (доп.). М., 1996. Далее по тексту ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием только страницы.

² Пушкин А.С. Рабочие тетради. СПб.; Л., 1997. ПД 841, л. 6 об., 34, 121 об.

Однако в пушкинских рукописях видим еще несколько графических изображений птиц, которые отличаются от перечисленных выше особым характером связи с записанным вблизи них текстом.

Общим свойством этих образов является то, что они более абстрактны, чем уже рассмотренные нами. Интересен и вопрос о том, почему Пушкин то рисует птицу в виде росчерка и мифопоэтического символа, то воссоздает природный облик птицы, а также почти уподобляет ее графическим знакам — букве, слову, строке, как это в случае с рисунками, которые мы намерены рассмотреть. Известно, что такие, близкие записи букв, рисунки были в древних рукописных книгах, где они одновременно абстрактны и неабстрактны, где они орнаментальны. Так и Пушкин-романтик, очевидно, стремился своими зарисовками, не лишенными орнаментального содержания, соотнести начертания букв, слов и всего текста с той природной полнотой бытия, к которой обращает наглядный графический образ. Это позволяло преодолевать односторонность существования пишущего в сфере символики, абстрактности и композиционной упорядоченности, которые формирует писание букв, слов, строк.

Отметим, что орнаментальный рисунок, соединяя абстрактное и конкретное, противостоит, тем не менее, знаковости письменного текста. Таково было содержание и назначение орнаментики в средневековых рукописных книгах. Тексты этих книг начинались раскрашенными инициалами с их свободным перетеканием одного образа в другой. Кроме того, рукописные тексты имели образно богатые орнаментальные заставки, сопровождалась миниатюрами и рисунками на полях.

В соответствии с книжной рукописной традицией орнамент, миниатюры, рисунки вблизи текста воспринимались как украшение написанного, как выражение отношения к тексту и ненавязчивое акцентирование важного в орнаментируемом произведении или чего-то эстетически значимого для переписчика и иллюстратора в связи с их деянием переписывания и образно-символического оформления текста. Те же принципы сохраняются и в пушкинском рукописном черновом или беловом тексте. Однако в рукописи Нового времени, где происходило создание авторского текста, более существенна именно эстетическая содержательность орнаментально-иллюстративного рисования, связанная с соотношением разнохарактерной в отношении конкретности и абстрактности словесной и изобразительной детали или сюжета.

Потому-то у Пушкина орнаментальны рисунки птиц, к которым мы обращаемся. Известно, что птичка наряду со змеей и конем была одним из самых распространенных образов византийского, южнославянского и древнерусского книжного орнамента. Также и в се-

вернорусской вышивке сохранились архаические представления о солярном значении птицы. Характерными чертами ее орнаментального облика были упругие эластичные шея и ноги, широкая округленная грудь. По наблюдениям исследователей, такой образ характерен, в частности, для русской тератологии XIV в. На основе изображения птицы в рукописи или на вещах и на ткани «возникало плетенье с живописными формами, причудливо стилизованными в плоскости» [Некрасов, 1914, с. 18]. Согласно мнению искусствоведов, русский народный женский костюм многими своими деталями, в частности раскраской и головным убором, восходит к образу птицы [Мерцалова, 1998, с. 19, 26].

Пушкинские птицы-росчерки также родственны орнаментике, что было отмечено нами и в упоминавшемся выше исследовании. Однако в связи с этим свойством следует более подробно остановиться на пяти рисунках Пушкина. Так, орнаментальную содержательность демонстрируют подпись в виде птицы в рукописи поэмы «Цыганы». Здесь птица отчетливо напоминает элемент инициала, тем более что она заключает в себе заглавные буквы «АП», написав которые, график начал рисовать грудку, клюв, а далее — голову, спинку, нижнюю часть тела, хвост птицы и от него начал чертить крыло, которое состоит из завитков, перешедших в расширяющиеся круг и полукружье (с. 320; рис. 5). Перед нами способ воссоздания древнего рисованного инициала, повременный каллиграфией, современной Пушкину.

Еще одна явная реминисценция из истории древнерусского летописания — рисунок, называемый обычно «стилизованная змея», «птица-виньетка», «змея с головой птицы». Голова птицы хорошо видна на этом рисунке, но изображения змеи здесь нет. Перед нами голова птицы с прорисованным плоским ремнем, тем самым, который был основой сложных узорчатых плетений летописных инициалов или заставок. Только этот ремень ни с чем не сплетен, хотя и несколько раз изогнут (с. 323; рис. 6).

Изгибы ременной ленты, в которую переходит голова птицы, зарисованная с характерными для орнаментальной фигуры рельефностью и четкостью, позволяют предполагать, что перед нами воспроизведение основы плетения или буквы «В» (как это, например, в инициалах Апостола 1391 г., находившегося в собрании Погодина), или какой-то другой буквы, имеющей внизу округлую часть [Некрасов, 1914, табл. X]. Змеевидная плетенка восходит, по наблюдениям исследователей, к болгарской орнаментальной змее. Птичка же, опутанная ремнями, — основной образ славянского и русского орнамента начала XIII в., преобладание которого знаменовало начало периода более гармоничного рисунка [Некрасов, 1914, с. 30]. Черты орнаментального стиля, среди коих исследователи на-

зывают плоскостность изображения, причудливость контуров, также присутствуют в рассматриваемом нами рисунке.

К размышлениям об усложнении словесного образа и прояснении его объемности, пространственности возвращают рисунки птиц в рукописи поэмы «Полтава», которые появляются неизменно в связи с текстом и потому наделены свойством его орнаментирования. Так, лебедь, о котором мы рассуждали в связи с образами реальных птиц, зарисован вблизи черновых строк о том, как Мазепа всматривается в спящую Марию, а в первых строках поэмы героиня сравнивалась с лебедем. Здесь, конечно, не иллюстрация, поскольку образность проявляется в тропе, но рисунок именно эту образность и подчеркивает. Орлоподобная птица появляется в рукописи и там, где формировалась неясно выписанная строка о Петре и его «ор<лином> вз<оре>». Птицы появляются также в рукописи поэмы «Тазит» на странице, где несколько раз записывалась строка слов горца о дочери, которую сватает герой: «Моей орлицы не отдам».

На этом листе нижняя птица орнаментирует слово, она «сидит» на нем и рисовалась от его первых букв (с. 325; рис. 7). Слово «скажи», получившее рисованное добавление, увязывается с чуть ниже записанным «Какой отец безумный». В этом месте много правок, и то, что птиц две, возвращает нас к не раз высказывавшемуся мнению о заполнении рисованием творческой паузы. Но здесь речь должна идти не о паузе.

Как и нижняя, на слове, зарисованная чуть выше птица условна. Однако она выписана с большей детализацией, у нее есть хвост, шея, выделено крыло и обозначена грудка, лапки присогнуты, и под птицей есть черта, обозначающая линию горизонта, которая и выявляет пространственность рисованного образа. Всего этого нет у птицы, вырастающей над словом. Эта птичка состоит из большого крыла, тельца и присоединенной к нему головы с клювом и глазком. Задняя часть ее тела и лапки перепутались с начертаниями букв. Здесь происходит почти то же, что и в восточной орнаментике, где буквы «списываются» с узорами, подчиняются им, становясь частью их общей композиции» [Ключевская, 1968, с. 18]. У Пушкина же, наоборот, фигурка «срисовывается» с буквами, со словом, вторя их изломанности, их начертательности, восполняя из-за недописанности, недооформленности половинчатую, еще фигуративно не ясную образность не слова, но всего создаваемого текста. Другая пушкинская птичка при новом возвращении поэта к наглядности того, что названо словом, отделившись уже от слова, предстает на расположенном чуть выше рисунке как самостоятельное явление. И это есть новое усиление образности графического рисунка: им представлено особое содержание обедненных забвением их изначальной рисуночности букв и слов. Их изначальное богатство и восстанавливается поэтом, орнаментирующим слово сим-

волическим рисунком птички, а текст — рисунками двух птичек. Здесь выразительная, наглядно живописная основа художественного образа как такового предстает в момент своей еще неявленности в слове. Но она уже определена в символической графике, способной орнаментировать также самый процесс создания словесного и, с точки зрения изобразительного искусства, гораздо более условного образа.

Мы думаем, что и птицы в рукописи поэмы «Полтава» (1828), и рисунки их в рукописи поэмы «Тазит» (1829) наиболее отчетливо выразили тенденцию орнаментирования Пушкиным слова и текста. Показательны в связи с этим содержащиеся в первой рукописи рисунок птичьей головы, продолженной змеевидной ременной лентой, о котором мы рассуждали выше, и вариации орлоподобной клюющей птицы в этой же рукописи поэмы «Полтава». Эта новая птица внешне вторит многочисленным пушкинским росчеркам, но она и выходит за их пределы. Она не только приблизилась в своем новом движении (нарисована клюющей) к природным прототипам, но и, соотношенная с текстуальными образами, оказалась связана с традицией орнаментирования или иллюстрирования рукописи инициалами, заставками, рисунками на полях и миниатюрами, что было характерно для древнерусских летописных книг.

Орнаментальными свойствами обладает и рисунок Пушкина в рукописи «Романа на Кавказских водах». Здесь отмечена концовка текста в виде горизонтальной линии и спирали, и ее завершает летящая птичка (с. 326; рис. 8). Роль, в которой выступает эта зарисовка, повторим, известна русской рукописной традиции. Это вновь не росчерк, как было не раз в рукописях поэта. Птица весьма условна, однако показана набирающей высоту. От этого спираль воспринимается не только графическим знаком некоей композиции, вторящей или контрастной движению взгляда по рукописи, как это в заставках рукописных книг и как это в рисунке пушкинской птицы-росчерка с его повторами кругов и полукружий; спираль предстает также обозначением движения птицы вверх. Пушкин объединяет здесь рисунок и орнаментальный символ, что выражает ту же тенденцию выявления объемности, пространственности наглядного образа, которая характерна для летописной и книжной графики, и поэт стремится наделить этим свойством свои графические образы.

Наиболее близок Пушкин к традиции орнаментики в рисунке петуха на заставке к «Истории села Горюхина». Первоначально рисунок обрамлял название произведения, и это соответствовало манере графика орнаментировать свои записи. Но название было вычеркнуто, и рисунок приобрел также свойства заставки. Он выполнен в обычном для Пушкина стиле росчерка, однако такова лишь та часть, где кругами нарисовано тело и крыло птицы. Лапа, затем бородака с клювом и

гребнем, а также удлиненное тельце и хвост выписаны отдельно, без соединения их линий друг с другом и с основой изображения (с. 242; рис. 9). Помимо символичности этого плоскостного рисунка, с орнаментом его роднит зарисовка хвоста. В других изображениях петухов (в рукописях сказок) график прорисовывает оперенье хвоста совершенно иначе и близко к природному облику петуха (с. 243, 380). Здесь же перед нами большое опущенное перо, напоминающее лист дуба. А ведь именно растительно-орнаментальные формы превращались в животных в древней византийской, болгарской и русской летописной орнаментике [Некрасов, 1914; Кильчевская, 1968, с. 26]. Профильные плоскостные изображения птиц видим и на народных вышивках, где вместо хвоста и крыльев нередко ветви растений, ветки могут свисать и с клюва, «процветший» хвост украшает птицу, называемую «пава» [Северные узоры, 1989, с. 88, 92–94].

В рукописи же перед нами заставка, выполненная с виртуозным мастерством. Привычные в пушкинских птицах-росчерках несколько овалов являются центром композиции. А с прочерчиванием продолговатого тела эти овалы оказались соотнесены с нарисованным над ними крылом. Нарисованные без отрыва пера крупный гребень, клюв, полукружия витков бороды получают отклик в прочерченном на противоположном конце полукружия приспущенного книзу и одним крупным пером представленного хвоста. У птицы несоразмерно мощная большая лапа, она условна, так как не имеет опоры. Здесь заставка обрела также и свойства инициала, похожего на первую букву в книгах времени Барокко, где она не имеет плетений и изображает только птицу или зверя. Изгиб тела животного вторил в барочных книгах букве. У Пушкина же длина тела петуха обусловлена существовавшей вначале необходимостью вписать внутри него название произведения. Как древнейший, наряду с растением, змеей и конем, мотив орнаментики птица у Пушкина вписывается в этой заставке в совокупность самых разнообразных завитков, тем не менее, сходных с каллиграфией. Пушкин писал и рисовал чаще всего птичьим пером. И перьевого рисунок вообще близок орнаменту с его ритмичным, упорядоченным, «прозрачным» узорочьем.

Итак, в пушкинских рисунках на полях, поверх текста и под ним в виде орнаментов, рисунков, заставок сохранены многие приемы, известные русским летописным и старопечатным книгам, а также книгам эпохи Барокко. Буква, этот абстрактный знак, исторически восходящий к рисунку, позже схематизированному, должен сохранять конкретику изображения, и это определило наличие инициалов и заставок в древних книгах. Их орнамент сохраняет живой образ, непосредственно включая его, или проясняясь до него в схематизированных деталях. Орнаментика, присутствующая в древних рукописных и печатных

книгах, не исчезла бесследно в Новое время, она осталась в поле зрения поэтов и писателей. Мы видим, как орнаментальность обогатила рисунки Пушкина, поэта эпохи Романтизма, искусство которого характеризуется синтезом культурных традиций предшествующих эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова И.А. Образ души поэта. Птицы в творчестве А.С. Пушкина // Ковчег Кавказа. Ростов н/Д., 2004. № 12.
2. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.
3. Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма. М., 1988.
4. Некрасов А. Очерки из истории славянского орнамента. Б.м., 1914.
5. Северные узоры. Народная вышивка Карелии. Петрозаводск, 1989.

Рис. 1. Лебедь в рукописи поэмы «Полтава»

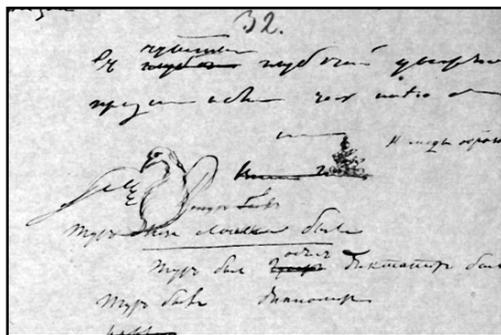

Рис. 2. Орел в арзрумских тетрадах

Рис. 3. Петух в рукописи «Сказки о медведихе»

Рис. 4. Титульный лист «Сказки о золотом петушке»

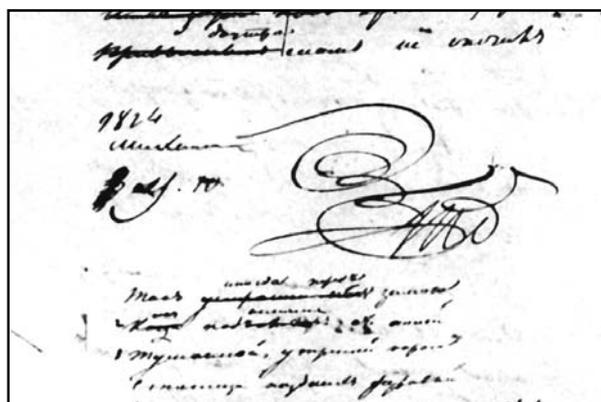

Рис. 5. Птица в рукописи поэмы «Цыганы»

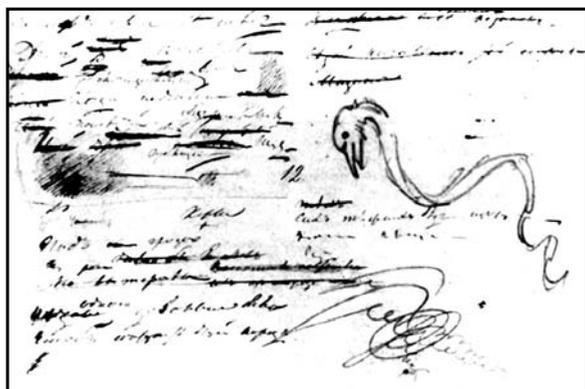

Рис. 6. Голова птицы с орнаментальным ремнем и клюющая птица в рукописи поэмы «Полтава»

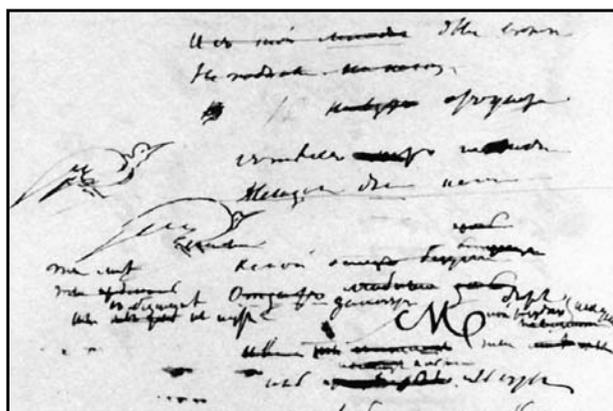

Рис. 7. Две птицы в рукописи поэмы «Тазит»

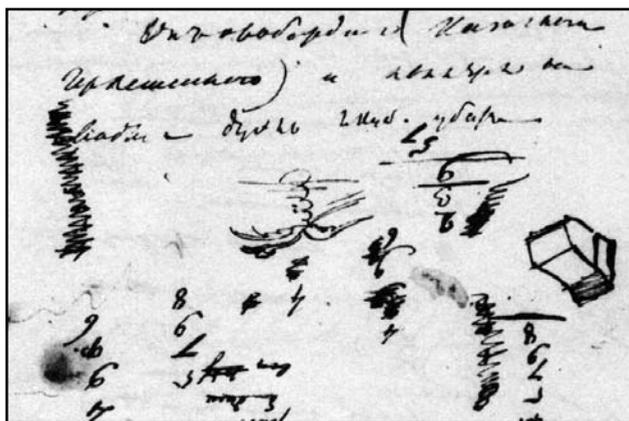

Рис. 8. Птичка в рукописи «Романа на Кавказских водах»

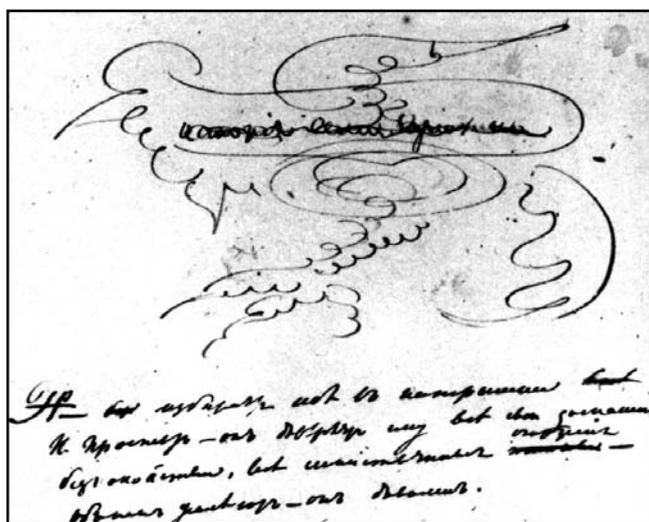

Рис. 9. Титульный лист «Истории села Горюхина»